

4. Полюс лютости: Варлам Шаламов

Можно утверждать, что понятие «ада» относительно. Можно утверждать, что последнего круга никто не достиг. Польский сатирик Станислав Ежи Лец писал: «Оказавшись на дне, мы услышали постукивание снизу». Книги Александра Солженицына — как бы ступени, низводящие в ад: «В круге первом», «Олень и шалашовка», «Один день Ивана Денисовича». Но даже в сумме лагерной цивилизации, в самом широком и глубоком образе концентрационного мира — в «Архипелаге ГУЛАГ» писатель делает оговорку: «Я почти исключаю Колыму из охвата этой книги». ⁸⁹ Солженицын объясняет это прежде всего тем, что о Колыме уже писал Варлам Шаламов: «Может быть в «Колымских рассказах» Шаламова читатель верней ощутит безжалостность духа Архипелага и грань человеческого отчаяния». ⁹⁰

Гитлеровские лагеря истребления были адом. Колыма была адом. Выжившие в аду редко пишут мемуары. Необходимо необыкновенное мужество, чтобы сказать всю правду о себе и людях.

В поэме «Последний круг» Зинаида Гиппиус писала:

Будь счастлив, Дант, что по заботе друга
В жилище мертвых ты не все познал,
Что спутник твой отвел тебя от круга
Последнего — его ты не видал.
И если б ты не умер от испуга —
Нам все равно о нем бы не сказал. ⁹¹

Варлам Шаламов провел долгие годы в колымских лагерях, на самом дне ада, на «полюсе холода и жестокости», как назвал Колыму Солженицын, вернулся на землю и рассказал о том, что видел и чувствовал.

В лучшей из книг об Освенциме, в рассказах польского писателя Тадеуша Боровского есть, быть может, самая страшная фраза в европейской литературе. Герой, санитар лагерной больницы,

⁸⁹ А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ», т. 2, стр. 129.

⁹⁰ Там же, стр. 8.

254⁹¹ З.Н. Гиппиус. Стихотворения и поэмы. т. 2, стр. 21.

играет в футбол, когда очередной транспорт ведут в газовую камеру. Он спокойно регистрирует: «Между двумя корнерами за моей спиной убили газом три тысячи человек».⁹²

У Шаламова мы находим, если это возможно, утверждение еще более страшное. В пересыльном лагере герой рассказа, оказавшийся соседом пожирателя трупов, замечает: «... Есть несомненно вещи более страшные, чем мясо трупа на обед».⁹³

Шаламов и Боровский отмечают то, о чем другие писатели не могут или не хотят говорить, — в лагере умирают даже те, кому удастся выжить. Лишь немногим удается потом воскреснуть.

Трудность изучения творчества Шаламова объясняется прежде всего тем, что 60 рассказов и исследование о блатных не были никогда напечатаны вместе и в той форме, которую имел в виду писатель. Следовало бы говорить о книге Шаламова, ибо написанные им рассказы — это главы одного большого произведения. Но рассказы эти печатались (и продолжают печататься) вразброс, бессистемно, не давая читателю полного представления о замысле и масштабах книги. Достаточно прочесть «Один день Ивана Денисовича», чтобы не только понять важнейшие мысли Солженицына, но и получить полное представление о его стиле, языке. Даже лучшие из рассказов Шаламова, такие, скажем, как «Одиночный замер», в отдельности дают о прозе писателя и его книге представление очень слабое.⁹⁴

В его книге соседствуют физиологический очерк — «Зеленый прокурор», «Бани», «Как это началось», биографическое повествование — «Мой процесс», «Надгробное слово», рассказ — «Шерри-Бренди», «Последний бой майора Пугачева». Шаламов пишет рассказы, в которых использует факты из собственной биографии, пишет очерки, пользуясь повествованиями других заключенных и своими наблюдениями.

Писатель многократно возвращается к событиям, воспоминаниям, фактам, которые кажутся ему чем-то важными, используя их то в рассказах, то в очерках. Иногда он ведет рассказ в третьем лице, иногда в первом. Кроме того, в книге выступают два alter ego писателя — Андреев и Крист, и в одном рассказе — «Мой процесс» — героя зовут Шаламов.

⁹² Tadeusz Borowski — Wybór opowiadań, стр. 157.

⁹³ В. Шаламов. Домино.

⁹⁴ Мною использованы произведения В. Шаламова, распространяемые в «самиздате». Некоторые из них были опубликованы в журналах «Новый журнал», «Грани», в книгах, вышедших на немецком и французском языках.

Писатель постоянно меняет точку зрения, он анализирует события или поведение людей с разных сторон, но категорически отказывается психологизировать, анализировать «душу» своих героев. Как прожектором выхватывает он из темноты лагерной жизни событие, не стараясь его объяснить или даже понять. Ибо жизнь в лагере иррациональна. Это, по выражению заключенных, «страна чудес», где происходят вещи непонятные и необъяснимые для людей, живущих «наверху».

Криста внезапно вызывают к следователю. Он идет, не ожидая ничего хорошего, но оказывается, что следователю нужен человек с хорошим почерком для переписки бумаг. В течение долгих месяцев раз в неделю умирающий от голода Крист приходит к следователю и до полуночи переписывает какие-то списки фамилий. Ни разу следователь не дал заключенному куска хлеба, папиросы, не сказал ему слова, не связанного с работой. И однажды, диктуя очередной список, следователь вдруг спросил: Как вас зовут? И еще раз взглянув на папку с бумагами, которую он держал в руках, перелистав бумаги, он бросил их все в печку.

И лишь годы спустя, — заканчивается рассказ, — Крист понял, что следователь сжег его «дело». «Товарищей Криста расстреляли. Расстреляли и следователя. Пощаженный Крист вспоминает иногда свое горящее «дело», решительные пальцы следователя, рвущие бумаги, подарок одного обреченного другому обреченному.

Мы не знаем, почему следователь решил подарить жизнь Кристу, мы не знаем даже эмоций Криста, ибо лишь многие годы спустя он понял значение жеста следователя.

Прожектор вырвал из тьмы факт — и погас. Но мы успели увидеть дно человеческого отчаяния.

Нередко писатель использует прием «отстранения», показывает мир, привычный для героев книги, под каким бы именем они ни выступали, «со стороны».

Серафим, бежавший от несчастной любви из Москвы на Колыму, работает — как вольнонаемный — целый год рядом с заключенными.

Но только когда его, забывшего паспорт, принимают за заключенного, сажают в камеру, он за 5 дней понимает то, чего не мог понять за год. — Как вы выносите эту жизнь? — спрашивает он заключенного. Внезапное открытие — рядом с ним — другой, нечеловеческой жизни приводит его к самоубийству.

В куче мусора герой рассказа «Детские рисунки» находит школьную тетрадку, а в ней рисунки ребенка. На страницах тетрадки ребенок запечатлел мир, который он видит вокруг себя: до-

ма, колючая проволока, вышки надзирателей, немецкие овчарки, часовые с автоматами. Ребенок, живущий на Колыме, рисует мир, который он знает.

Шаламов признает лишь одну прозаическую форму — короткий рассказ или очерк. Ничего лишнего. Но бывает, что он возвращается к описанному уже эпизоду, дополняя его в другом рассказе.

Женщина, которая в рассказе «Дождь» ободряет бригаду заключенных, нечеловечески уставших от работы, холода, дождя, идущего третий день, голода, ободряет, показав рукой на небо и словами: «Скоро, ребята, скоро», словами, означавшими, что скоро рабочий день кончится, запоминается автору на всю жизнь.

«Я думал о мудрости этой женщины... я думал о ее большом сердце...» Она исчезает из рассказа — сделав один жест и сказав одну фразу. Но мы встречаемся с ней снова в рассказе «Ночная смена»: бригада заключенных обнаруживает на снегу труп этой женщины и рядом — ее убийцу — следователя.

В этой книге все связано, все переплетается. Книга Шаламова — это мир, в котором, широко открыв глаза, живет свидетель.

Постепенно, из десятков рассказов, складывается его характер и его биография.

Впервые арестованный в 1929 году Шаламов попадает в один из филиалов Соловков — Вишерский лагерь. Часть рассказов посвящена периоду рождения советской лагерной империи — началу 30-х годов. Отбыв пятилетнее заключение, освобожденный, он арестовывается в начале 1937 г. снова — как бывший заключенный и опять получает 5 лет и посылается на Колыму. В 1942 г., вместо освобождения ему продлевают заключение «до окончания войны», а в 1943 г. сочиняют новое «дело» — за утверждение, что Бунин — классик русской литературы — и осуждают на 10 лет «за контрреволюционную агитацию».

В книге Шаламова можно, таким образом, выделить три части: первую — преддверие Колымы — лагерь начала 30-х годов, вторую — первый колымский период, повествование о котором начинается рассказом «Причал ада», и третью — второй колымский период — с 1946 г., когда писателю удается попасть на курсы фельдшеров и, закончив их, на работу в лагерную больницу. Эта часть начинается рассказами «Экзамен» и «Курсы».

Шаламов не пишет автобиографии. Его книга — это «отражение виденного в вогнутом зеркале подземного мира. Сюжет невообразим и все же реален, существует взаправду, живет

рядом с нами».⁹⁵ Естественность чудовищности, примирение с чудовищностью, согласие на нее людей — вот, что показывает писатель, вернувшийся из подземного мира. Он говорит о себе:

«Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну».⁹⁶

Шаламов раскрывает повседневность, обыденность, привычность лагерной жизни — с 1929 года до 1956 года, когда писателю, уже освобожденному, с большим трудом удается, наконец, покинуть Колыму, — меняющейся лишь количественно: раньше — в начале 30-х — кормили чуть лучше, раньше били чуть меньше, но и первая и последняя ступень ада — это ад. Правда, спускаясь по этим ступеням, человек перестает быть человеком. На какой-то из ступеней — человек достигает дна.

Чтобы описать его, Шаламов ищет язык простой, скупой, строит фразу короткую, используя часто блатные слова и образы, язык мира, в котором живет писатель.⁹⁷

Подчеркивая сжатость, лапидарность стиля, писатель дает своим рассказам короткие — обычно в одно или два слова — названия.

Несомненно, что образцом, стоявшим перед глазами Шаламова, был «Мертвый дом» Достоевского. Он несколько раз вспоминает книгу великого каторжника, удивляясь, как сильно углубилось дно ада за неполные сто лет. По отношению к действительности ближе всего, быть может, к прозе Шаламова проза Бабеля. У Шаламова нет ни ошеломляющих метафор, ни живописных описаний, характерных для Бабеля. Есть зато — как у Бабеля — умение со спокойствием медика рассказать об ужасном, найти в страшном естественное.

При анализе прозы Шаламова необходимо помнить, что он не только прозаик, но и поэт,⁹⁸ стихи которого высоко ценил Пас-

⁹⁵ В. Шаламов. Боль.

⁹⁶ Варлам Шаламов. Дорога и судьба. Книга стихов. Советский писатель, М. 1967, стр. 46.

⁹⁷ Надежда Мандельштам отмечает проникновение в русский язык тюремных ассоциаций, придающих словам новое значение. См. «Воспоминания», стр. 205.

⁹⁸ В 1961, 1964 и 1967 гг. Шаламов опубликовал в Москве сборники своих стихов. Его проза не печаталась никогда.

тернак.⁹⁹ В стихах Шаламов нередко используют те же сюжеты, что и в своей прозе, но в форме значительно более лаконичной и философски обобщенной.

Шаламов пишет о человеке в лагере, о человеке перед Страшным судом. У писателя нет иллюзий: «Лагерь был великой пробой нравственных сил человека, обыкновенной человеческой морали, и девяносто девять процентов людей этой пробы не выдерживали».¹⁰⁰ В те времена, когда над Британской империей не заходило солнце, кто-то из англичан сказал: к востоку от Суэцкого канала десять заповедей перестают быть действительными. Десять заповедей переставали быть действительными за воротами лагеря. Новая мораль — лагерная — требовала от человека отказа от человечности, отказа от самого себя. Иногда — это спасало. На Колыме, говорит Шаламов, те, кто выдерживал «великую пробу нравственных сил, умирали вместе с теми, кто не выдерживал, стараясь быть лучше всех, тверже всех только для самих себя».¹⁰¹

Причины физической и моральной смерти носили характер чисто материальный — голод и труд. Шаламов рассказывает о зиме 1937/38 года, когда волна массового террора прокатилась по колымским лагерям, унеся десятки тысяч жертв.

«Многие месяцы подряд, ночью и днем, на каждой вечерней и утренней поверке, офицер читал длинные списки расстрелянных. При температуре минус 50, музыканты, набранные из «быговиков», давали фанфарный сигнал до и после прочтения каждого списка... Каждый список неизменно заканчивался словами: «Приговор приведен в исполнение. Начальник УС — ВИТЛ¹⁰² полковник Гаранин».¹⁰³

Это был период «гаранинщины».

Но заключенные умирали десятками тысяч не только в этот период, и об их смерти не всегда извещали фанфары. Несравненно чаще, чем пуля палача, убивали заключенных голод и труд. Рожденная на Соловках и испытанная на Беломорканале система взаимозависимости труда и питания достигла своего «совершенства» в период «ежовщины», став на Колыме орудием

⁹⁹ В рассказе «За письмом» Шаламов рассказывает, как он, уже освобожденный, проехал 1000 километров за письмом Пастернака.

¹⁰⁰ Шаламов. Инженер Киселев.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Сокращение. Управление северо-восточных лагерей.

¹⁰³ В. Шаламов. Как все началось.

Нет почти ни одного рассказа Шаламова, в котором не гово-

¹⁰⁴ А. Солженицын пишет, что «Колыме, повезло: там выжил Варлам Шаламов и уже написал много». Но рассказы В. Шаламова и мемуары некоторых других выживших узников стали появляться только во второй половине 50-х годов, а «свидетельство» о Колыме мир получил уже в середине 40-х годов. В 1944 г. Колыму посетили вице-президент США Генри Уоллес и крупнейший знаток Дальнего Востока проф. Оуэн Латтимор. Каждый из них описал потом свою поездку. Проф. Латтимор в статье «Новый путь в Азию» (журнал «Нэйшенел джеографик», декабрь 1944) утверждал: «История по-видимому не знает пионерской деятельности, которую по организованности и порядку можно было бы сравнить с открытием Дальнего Севера советской властью. Магадан — часть владений удивительного концерна — Дальстроя... Он строит и эксплуатирует порты, шоссе и железные дороги, золотые прииски, есть также в городе — первоклассный оркестр и хорошая оперетта». О генерал-лейтенанте НКВД Никишове, начальнике Дальстроя — самого страшного острова Архипелага, встречавшем гостей, американский профессор пишет: «Мистер Никишов только что удостоен звания Героя Советского Союза за свои исключительные достижения. Он и его жена хорошо знают и глубоко чувствуют искусство и музыку, обладая в то же время глубочайшим сознанием гражданской ответственности... Было интересно найти на Колыме вместо разврата, джина и пьяных драк, типичных для золотой лихорадки старых времен, парники, в которых выращиваются помидоры, огурцы и даже дыни, позволяющие обеспечить выносливых горняков достаточным количеством витаминов».

Приятное впечатление от Колымы осталось и у вице-президента США. Он пишет в своей книге «Миссия в советскую Азию»: «Колымские золотоискатели — большие, здоровые молодые люди, прибывшие на Дальний Восток из европейской России... Можно сказать, что сегодня в северной Сибири городская жизнь в целом не уступает городам северозападных штатов и Аляски... По сравнению с шахтерами старой России у людей в комбинезонах на Колыме гораздо больше денег... Ни дух, ни смысл жизни в сегодняшней Сибири нельзя сравнить с жизнью в былые дни каторжной Сибири...»

А. Солженицын называет имя Никишова в списке «колымских лагерщиков-палачей, не знавших границ своей власти и изобретательной жестокости». В. Шаламов пишет о безумной жестокости не только самого Никишова, но и его супруги.

рилось бы о еде. Голодали во всех советских лагерях, но редко где сочетание тяжелейшего труда, холода и недостатка пищи принимало такой убийственный характер, как на Колыме.

Достаточно сравнить «Один день Ивана Денисовича» и рассказ Шаламова «Хлеб», чтобы понять, что и голод носит относительный характер. Иван Денисович случайно съедает обед без хлеба. Герой Шаламова никогда не ест свой суп, «баланду», с хлебом. Хлеб он съедает отдельно. «Не следовало торопиться, не следовало жевать, не следовало запивать водой — мы сосали хлеб, как сахар, как конфету».

Хлеб становится синонимом жизни. Но убивает не только полное отсутствие хлеба. Выполнение нормы, лающее право на полный паек, не спасало заключенного, ибо даже полный паек был недостаточен для восстановления сил, затраченных на работе по добыче золота в холодных шахтах, на рубке леса в сорокоградусный мороз.¹⁰⁵

Если нужно было бы назвать одну черту, отличавшую книгу Шаламова от всех других книг, написанных советскими писателями о лагерях, то следовало бы назвать его отношение к лагерному труду.

Горький воспевал труд. Все советские писатели воспевают труд. На воротах всех советских лагерей красовались слова Сталина: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». И даже Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» изображает «симфонию труда», показывает заключенных, в том числе и главного героя, увлекшихся человеческим делом — работой.

Для Солженицына — Иван Денисович, добросовестно с увлечением работающий в лагере, — символ человека не сдавшегося, сохранившего самое важное — любовь к работе, к творчеству.

Шаламов смотрит на это иначе. Когда он говорит о работе в

¹⁰⁵ В лагере, в котором находился Иван Денисович, освобождали от работы зимой, если температура падала ниже 30°, на Колыме должны были освобождать при температуре ниже 45°, но делали это не всегда. Следует помнить, что зима на Колыме продолжается не менее 8 месяцев.

А. Солженицын рассказывает, что после выхода «Одного дня Ивана Денисовича» «по мерке многих тяжелых лагерей справедливо упрекнул меня Шаламов: «и что еще за больничный кот ходит там у вас? Почему его до сих пор не зарезали и не съели?... И зачем Иван Денисович носит у вас ложку, когда известно, что все варимое в лагере легко съедается жидким, через бортик?». А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, т. 2, стр. 200.

лагере, главное для него — не работа, а — лагерь. Работа в лагере — это рабский труд, недостойный человека.

Работа в лагере убивает. «Шестнадцать часов работы без отдыха, голод, порванная одежда, ночи в порванных палатках при температуре 60° ниже нуля, избиение охраной, уголовниками и конвойными»¹⁰⁶ — человек не может этого выдержать. Шаламов пишет, что достаточно 20 — 30 дней такой работы, чтобы превратить здорового молодого человека в «доходягу».

Работа в лагере — и это подчеркивает писатель — воспитывает «отвращение и ненависть к труду». В лагере не может быть «честного» труда. «К честному труду в лагере, — говорит один из героев Шаламова, — призывают подлецы и те, которые нас бьют, калечат, съедают нашу пищу и заставляют работать живые скелеты — до самой смерти».¹⁰⁷

Ненависть Шаламова к лагерному труду объясняется и тем, что лагерь убивает в человеке естественную для него любовь к труду — как убивает и все другие человеческие чувства, и тем, что писатель отвергал основу морали «концентрационного мира». В этом мире — со времен Соловков и «Беломорканала» — господствовал принцип: морален тот, кто выполняет норму, и чем больше он ее перевыполняет, тем он моральнее.

«Мы поняли... удивительную вещь: в глазах государства и его представителей человек, физически сильный, лучше, именно лучше, нравственнее, ценнее человека слабого... Первый моральнее второго. Он выполняет «процент», т. е. исполняет свой главный долг перед государством и обществом, а потому всеми уважаются».¹⁰⁸

Шаламов не хочет принять этой «нравственной» нормы и поэтому отказывается видеть в лагерном труде человеческий труд.

Показывая человека перед лицом смерти, писатель говорит о нем всю правду, если даже она противоречит общепринятым представлениям, нарушает установившиеся каноны. Шаламов опровергает миф о дружбе, выдерживающей самые тяжелые испытания.

«Дружба не зарождается ни в нужде, ни в беде. Те «трудные» условия жизни, которые, как говорят нам сказки художественной литературы, являются обязательным условием возникновения дружбы, просто недостаточно трудны. Если беда и нужда сплотили, родили дружбу людей — значит, это нужда — не крайняя и

¹⁰⁶ В. Шаламов. Татарский мулла и чистый воздух.

¹⁰⁷ В. Шаламов. Сухим пайком.

262¹⁰⁸ В. Шаламов. Сухим пайком.

беда — не большая». ¹⁰⁹

Писатель точно указывает, когда уходят «все человеческие чувства — любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность», ¹¹⁰ когда остается только — «недоверие, злоба и ложь». ¹¹¹ В рассказе «Причал в аду» говорится, что уже через три недели по прибытии на Колыму заключенные навсегда отучиваются делить хлеб с товарищами.

Шаламов утверждает, что в настоящей нужде, в условиях, находящихся «по ту сторону добра и зла», человек остается один, наедине с самим собой. И в этих условиях он проходит последнюю проверку, испытывает свои физические и моральные силы.

Вывод оптимистичен: на самом дне ада человек может найти в себе силы, чтобы не сдаться. Герой книги Шаламова — под разными именами проходящий через все муки последнего круга ада — сохраняет человеческие чувства.

Писатель находит необычный символ для изображения этой борьбы человека за самого себя, борьбы в одиночку против всего лагерного мира. Мы встречаемся с этим символом во многих рассказах, иногда он лишь упоминается, иногда подробно описывается, иногда становится стержнем повествования. Символ — простой шарф, подаренный однажды заключенному в больнице. Едва он возвращается на работу — начинается охота за шарфом, Его хотят отобрать уголовники, бригадир, все кто чуть сильнее героя. Борьбе за шарф он отдает все свои силы. И всегда — во всех рассказах — шарф у него отбирают. Казалось бы, напрасная борьба, лишаящая героя последних сил, приносящая ему лишь дополнительное горе и неприятности. Но в этой борьбе герой Шаламова утверждает свое достоинство, свое право быть человеком и свою способность им остаться.

Голод и лагерный труд убивали человека: если он сохранял физическую жизнь — они лишали его человеческих чувств. Но сила человеческого тела удивительна. «Человек выносливее любого животного. Часто кажется, — пишет Шаламов, — да так, наверное, и есть, что человек потому и поднялся из звериного царства, что он физически выносливее любого животного». ¹¹²

В одном из лучших рассказов книги, в «Сентенции» Шаламов с беспристрастностью медика и с честностью подлинного писателя рассказывает о смерти и воскресении человека. Умиравший,

¹⁰⁹ В. Шаламов. Сухим пайком.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ В. Шаламов. Одиночный замер.

¹¹² В. Шаламов. Заклинатель змей.

почти мертвый от голода герой рассказа оказывается в тайге, в бригаде топографов, на очень легкой работе.

Сбросив с себя непомерную тяжесть лагерного труда, герой рассказа впервые осознает, что он умирает и, анализируя свои чувства, приходит к выводу, что из всех человеческих чувств у него осталось одно — злость. «Не равнодушие, а злость была последним человеческим чувством, — тем, которое ближе к костям». ¹¹³

Само освобождение от работы, даже без дополнительной еды: вся еда — кусок хлеба, ягоды, корни, трава — производит чудо. К человеку начинают возвращаться чувства: приходит равнодушие — бесстрашие. Ему все равно — будут его бить или нет, дадут ли хлеб или нет. А затем является страх. Теперь ему страшно лишиться этой спасительной работы, высокого холодного неба и боли в мышцах, которой давно уже не было. Потом приходит зависть. «Я позавидовал мертвым своим товарищам... Я позавидовал и живым соседям, которые что-то жуют, соседям, которые что-то закуривают... Любовь не вернулась ко мне... Как мало нужна людям любовь. Любовь приходит тогда, когда все человеческие чувства уже вернулись». ¹¹⁴

До любви к людям — возвращается любовь к животным. В книге Шаламова мы находим страницы, посвященные животным, которые принадлежат к лучшим в русской литературе на эту тему. Мучения животных в аду для людей подчеркивают низость падения человека.

И когда к человеку возвращаются первые, самые примитивные, самые «близкие к костям» чувства — происходит чудо — воскресает поэт. Внезапно в мозгу, казалось, давно уже умершем, вспыхивает слово, значения которого не помнит ни герой, ни его товарищи. Возвращается слово — сентенция.

«Неделю я не понимал, что значит слово «сентенция»... Прошло много дней, пока я научился вызывать из глубины мозга все новые и новые слова... Мысли и слова не возвращались потоком. Каждое возвращалось поодиночке, без конвоя других знакомых слов и возникало раньше на языке, а потом — в мозгу». ¹¹⁵

Произошло воскрешение человека, воскрешение поэта. Слово приносит жизнь. Но перерыв кончился и надо было снова возвращаться в шахту — на смерть.

¹¹³ В. Шаламов. Сентенция. Рассказ посвящен Надежде Мандельштам.

¹¹⁴ В. Шаламов. Сентенция.

264 ¹¹⁵ В. Шаламов. Сентенция.

Память приходит последней, но память делает жизнь невыносимой, ибо память вырывает человека из ада, в котором он живет, напоминая, что существует и другой мир. Писатель хочет сохранить память и боится этого, ибо он видел то, «что человеку не надо видеть и даже не надо знать».¹¹⁶

Героев Шаламова ждет только смерть. «Специальная инструкция гласит: уничтожить, не позволить остаться в живых».¹¹⁷

Как вы можете жить? — спрашивает Серафим, случайно, на несколько дней, попавший в шкуру заключенного. Почему люди продолжают жить в нечеловечески условиях? — спрашивает Шаламов. И, приводя несколько случаев самоубийства, задает вопрос: почему все не лишают себя добровольно жизни?

Писатель дает на этот вопрос два ответа. Одних, очень немногих, поддерживает вера в Бога. С глубокой симпатией, но и с некоторым недоумением перед явлением ему непонятным, необъяснимым, рассказывает он о заключенном-священнике, который молится в лесу,¹¹⁸ о другом священнике, которого — в виде редчайшего исключения — позвали исповедать умирающую,¹¹⁹ о немецком пасторе, теряющем в лагере память и теряющем дочь, отрезающуюся от отца.¹²⁰

Истинная вера, облегчающая страдания и позволяющая жить в лагере — явление не частое.

Большинство заключенных продолжает жить, ибо надеется. Надежда поддерживает еле теплящийся огонек жизни у колымских узников. Шаламов видит в надежде зло, ибо очень часто смерть лучше жизни в аду. «Надежда для арестанта всегда кандалы. Надежда всегда несвобода. Человек, надеющийся на что-то, меняет свое поведение, чаще кривит душой, чем человек, не имеющий надежды».¹²¹ Поддерживая волю к жизни, надежда обезоруживает человека, лишает возможности умереть достойно. Перед лицом неминуемой смерти надежда становится союзницей палачей. Переживший Освенцим Тадеуш Боровский совершенно согласен с пережившим Колыму Варламом Шаламовым. «Никогда в истории человечества, — писал Боровский, — надежда не была такой сильной, но никогда она не причинила столько зла, сколько в этой войне, в этом лагере. Нас не научили отказываться от

¹¹⁶ В. Шаламов. Эпитафия.

¹¹⁷ В. Шаламов. Лида.

¹¹⁸ В. Шаламов. День отдыха.

¹¹⁹ В. Шаламов. Тетя Поля.

¹²⁰ В. Шаламов. Апостол Павел.

¹²¹ В. Шаламов. Житие инженера Купреева.

надежды и поэтому мы погибаем в газовых крематориях». ¹²²

Отвергая надежду, Шаламов противопоставляет ей волю к свободе. Неукротимую любовь не к абстрактной свободе, а к индивидуальной свободе человека. Этой теме посвящен, если не самый лучший, то безусловно самый важный рассказ книги. Точнее — два рассказа. Придавая этой теме — редчайшей в советской литературе — особое значение, Шаламов возвращается к ней дважды. В большом очерке «Зеленый прокурор», рисуя быт каторги, писатель, рассказывая о побегах с Колымы, задерживается на побеге группы заключенных под руководством подполковника Ивановского. Затем Шаламов пишет на эту же тему рассказ «Последний бой майора Пугачева».

Сравнение двух текстов позволяет сделать вывод, что писатель стремился, сохранив все детали побега, вывести рассказ за рамки частного случая, превратить его в обобщение, в символ бессмертия свободы.

В «Зеленом прокуроре» подполковник Ивановский — советский офицер, попавший во время войны в плен, а затем вступивший в армию Власова. В рассказе — майор Пугачев бежит из немецкого плена, но, попав к своим, арестовывается и отправляется на Колыму. Шаламов дает герою рассказа символическое имя — Пугачева, вождя крестьянской войны, потрясшей Россию XVIII века.

В «Последнем бое майора Пугачева» писатель не только рассказывает историю людей, решивших, что для них есть лишь одна альтернатива: быть свободными или умереть с оружием в руках. Он подчеркивает принципиальное различие между новыми, послевоенными заключенными и прежними, жертвами арестов 30-х годов.

Шаламов дает краткий, но исчерпывающий ответ на вопрос о характере «ежовщины». «Аресты тридцатых годов были арестами людей случайных... У профессоров, партработников, военных, инженеров, крестьян, рабочих, наполнивших тюрьмы того времени до предела, не было за душой ничего положительного, кроме, может быть, личной порядочности... Отсутствие единой объединяющей идеи ослабляло моральную стойкость арестантов чрезвычайно. Они не были ни врагами власти, ни государственными преступниками, и, умирая, они так и не поняли, почему им надо было умереть. Их самолюбию, их злобе не на что было опереться. И, разобщенные, они умирали в белой колымской пустыне — от

¹²² Tadeusz Borowski. U nas w Auschwitzu «Wybor opowiadań», стр. 134.

голода, холода, многочасовой работы, побоев и болезней. Они сразу выучились не заступаться друг за друга, не поддерживать друг друга. К этому и стремилось начальство. Души оставшихся в живых подверглись полному растрению, а тела их не обладали нужными для физической работы качествами». ¹²³

«Ежовщина» удалась, могла удасться лишь потому, что террор был направлен против невинных. Но именно эта невинность заключенных мешала им видеть в палачах палачей, мешала им объединиться, мешала им помогать друг другу.

Заключенные послевоенных лет были иными. В «Зеленом прокуроре» о них говорится: «Власти, знавшие до сих пор лишь спокойных троцкистов, не подозревали, что это были люди действия». В «Последнем бое майора Пугачева» писатель выражается еще более четко: «Администрация лагерная, привыкшая к ангельскому терпению и рабской покорности «троцкистов», нимало не беспокоилась и не ждала ничего нового».

Самым большим изменением — по сравнению с очерком — подвергся конец рассказа. В очерке мы узнаем, что все участники побега были убиты и лишь один — Ивановский — не был никогда найден. Писатель выражает предположение, что он, очевидно, покончил самоубийством, забравшись в какую-нибудь пещеру. ¹²⁴ В рассказе мы присутствуем при последних минутах жизни майора Пугачева. Отбиваясь от врагов, он укрывается в пещере и вспоминает жизнь, вспоминает всех людей, с которыми его сводила судьба, всех кого он любил и уважал.

«Но лучше всех, достойнее всех были его одиннадцать умерших товарищей. Никто из тех, других людей его жизни не перенес так много разочарований, обмана, лжи. И в этом северном аду они нашли в себе силы поверить в него, Пугачева, и протянуть руки к свободе. И в бою умереть». ¹²⁵

Свободным умирает и Пугачев. Он «вложил в рот дуло пистолета и последний раз в жизни выстрелил». ¹²⁶ Рассказ заканчивается не смертью, а — выстрелом.

Важное место в мире Шаламова — и в его книге — занимают уголовники, «блатные». Во всех книгах, посвященных лагерям, появляются уголовники. Шаламов пытается осмыслить проблему, проникнуть в психологию «блатных».

Прошло время, когда советские писатели во главе с Горьким

¹²³ В. Шаламов. Последний бой майора Пугачева.

¹²⁴ В. Шаламов. Зеленый прокурор.

¹²⁵ В. Шаламов. Последний бой майора Пугачева.

¹²⁶ Там же.

видели в уголовниках бунтарей, восставших против капиталистического общества, романтиков, отвергавших серую, мещанскую жизнь. Попав в лагерь и встретившись не с литературными, а с живыми профессиональными преступниками, писатели пересматривают свои взгляды. Уголовники, которым покровительствует начальство, становятся, наряду с непосильным трудом и голодом, главной причиной гибели заключенных.

В целой серии рассказов — «На представку», «Заклинатель змей», «Боль» — Шаламов показывает блатных — людей, потерявших все человеческое — грабящими, убивающими, насилующими так же спокойно и естественно, как другие люди спят и едят. Писатель настаивает на том, что уголовникам чужды все чувства.¹²⁷ Создается впечатление, что он задал себе целью опровергнуть — фактами — привычные в советской литературе представления.

«Лагерь» — это дно жизни, — пишет Шаламов. — «Преступный мир» это не дно дна. Это совсем, совсем другое, нечеловеческое».¹²⁸

Ненавидя уголовников, не находя для них ни одного слова снисхождения, писатель показывает одновременно одну особенность воровского мира. Это — единственная организованная сила в лагерях.¹²⁹ Их организованность, их сплоченность выглядят особенно внушительно на фоне полной разобщенности всех других заключенных. Связанные строгим «законом», блатные чувствуют себя в тюрьме и лагере — дома, чувствуют себя хозяевами. Не только их беспощадность, их звериная жестокость но и их сплоченность дает им силу. Этой силы побаивается и начальство.¹³⁰

¹²⁷ «Женщина блатного мира», «Сергей Есенин и воровской мир».

¹²⁸ В. Шаламов. Боль.

¹²⁹ После войны, когда в числе заключенных оказались бывшие военнопленные, украинские и прибалтийские партизаны, восставшие против Советской армии, в лагерях появились подпольные организации, руководившие летом 1953 г. забастовками в лагерях, потрясшими Архипелаг ГУЛАГ. См. Joseph Scholmer. La greve de Vorkouta, Amiot, Dumont, Paris, 1954. Д. Панин. Записки Сологодина, «Посев», 1973.

¹³⁰ После войны МВД провело операцию по расколу воровского мира, желая его ослабить. По воровскому «закону» полноправным членом «ордена» мог быть только человек, никогда не работавший, живший только за счет преступлений. Во время войны значительное количество преступников было призвано в армию.

Уголовники и начальство — это две силы, нашедшие свое место в лагерном мире. Они здесь дома. Начальство — такое же жестокое, беспощадное, безжалостное и такое же растленное — как и уголовники. Шаламов показывает вереницу уголовников — убивающих за свитер, убивающих для того, чтобы не ехать в лагерь, но остаться в тюрьме, и т.д. И рядом такую же галерею начальников различных уровней — от полковника Гаранина, подписывающего списки расстрелянных, до садиста инженера Киселева, собственноручно ломающего кости заключенным.

Лагерный мир, лагерная цивилизация не могут существовать без палачей, но они не могут существовать и без согласия жертв. Поэтому так мало «справедливых» в мире Шаламова. Каждый заключенный в какой-то степени виноват в своих мучениях, тем хотя бы, что он на них соглашается. В этом главный вывод писателя, мораль, которую он вынес из ада.

Главный хирург центральной лагерной больницы принял 5 декабря 1947 г. пароход «Ким», привезший 3 тысячи заключенных на Колыму. В море заключенные взбунтовались, и капитан залил трюмы, в которых они находились, водой. При температуре минус 40° трюмы превратились в склад замороженного мяса. Главный хирург побывал на фронте, но никогда ничего подобного не видел. Через 17 лет после этого случая, хирург, обладавший великолепной памятью, помнил все, что он пережил в лагерной больнице. Он не помнил лишь имени парохода, привезшего замерзших заключенных.

«Через семнадцать лет после распятия, — заключает Шаламов, — Понтий Пилат забыл имя Христа».¹³¹

Шаламов не повинен в «Пилатовом грехе». Он все помнит и,

После войны многие из них вернулись к своей «профессии». И тогда возник тонкий юридический вопрос: можно ли считать службу в армии работой? Можно ли считать «вора» настоящим «вором», если он служил государству? Блюстители воровского «закона» решили, что каждый, кто служил в армии, исключается из «ордена». Возникли две группы «блатных» — чистых и не совсем чистых. МВД привлекает особыми льготами вторую группу на свою сторону. «Нечистые», получившие кличку «суки», соглашаются занять в лагерях руководящие должности — бригадиров, десятников. Начинается беспощадная резня между «суками» и «ворами», которой способствует МВД, перевозя группы убийц из лагеря в лагерь. Упоминания об этой войне мы находим у Шаламова и Солженицына.

¹³¹ В. Шаламов. Прокуратор Иудеи.

что значительно важнее, все говорит.

Он говорит все о низости людей, о глубине их падения, об их ничтожестве. Мир Шаламова — это трагический мир людей, лишенных духовной силы, у которых украли не только все материальные ценности, но и все, во что они верили, все, что они считали духовной основой своего существования.

Герои Шаламова — это не только голые люди на голой земле, это люди без души. Лучшие из них, самые сильные ощупью, с величайшим трудом пытаются построить себе новые духовные ценности, найти новую опору в жизни.

Сам писатель находит новые силы в природе и в поэзии. Через всю книгу проходит — как символ могущества природы и негиблемости человеческого духа — образ стланника, северного дерева, которое в предчувствии снега ложится на землю, а едва лишь пригреет слабое полярное солнце, поднимается из под снега.

Писатель называет его «деревом надежд».¹³² Но это и символ поэзии, которая первой возвещает приближающуюся весну, которая воспеваает надежду.

Талантливое литературное произведение — книга Шаламова¹³³ представляет собой одновременно один из важнейших документов концентрационного мира. Значение книги лаконично и полно выразил Солженицын: «Лагерный опыт Шаламова был горше и дольше моего, и я с уважением признаю, что именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул нас весь лагерный быт».

но его действие развивается уже по эту сторону проволочных заграждений).

Писатель ищет подход к теме, формы наиболее пригодные для рассказа о человеке в заключении, о человеке, лишенном свободы, о мире, в котором «девять плачут, а один смеется», о «незримой стране — ГУЛАГ, которой нет в географиях, психологиях и историях». ¹³⁴

Первый опыт — пьеса «Олень и шалашовка» — это прямая реплика на комедию о концлагере — «Аристократы» Погодина. ¹³⁵ Обе начинаются прибытием нового этапа. Если у Погодина — первые слова пьесы: «Веселей, веселей», то у Солженицына занавес открывается под звуки веселой песни: «Нам песня строить и жить помогает». Одного из персонажей пьесы Солженицына зовут Костя, как и главного героя погодинской комедии. Пародируя Погодина, Солженицын вкладывает в уста одного из самых отвратительных героев своей пьесы — доктора Мерещуна — слова, произносимые любимым героем Погодина — Чекистом, — о «душе заключенных». «Надо душу лагерника понимать, — говорит Мерещун. — За пятьсот грамм черного хлеба Беломорканал построен». ¹³⁶

Трудно более едко разоблачить лицемерие авторов официальных книг о литературе, твердивших о «душе», но имевших в виду 500 граммов черного хлеба, которыми покупался «энтузиазм» голодающих заключенных.

Проблема труда заключенных в лагере, рабского труда — одна из важнейших в творчестве писателя. ¹³⁷

В первом же из своих «лагерных» произведений — в пьесе — ставит он эту проблему, вынося в заголовок слово «олень», обозначая им своего главного героя, в биографии которого немало авторских черт. На лагерном языке «олень» означает человека, безропотно, безотказно работающего по приказу начальства. Как «олень» трудится, «упирается рогами» Родион Немов, не понимающий — на первых порах — разницы между трудом раба и трудом свободного человека, казалось бы, замороженный десятками лозунгов, украшающих стены бараков лагеря: «Труд облагоражи-

¹³⁴ Олень и шалашовка. «Грани», № 73, 1969, стр. 29.

¹³⁵ Эту догадку подтверждает, мне думается, уничтожающая оценка, данная «Аристократам» в «Архипелаге ГУЛАГ» (см. т. 2, стр. 431-432).

¹³⁶ А. Солженицын. Олень и шалашовка, стр. 51.

¹³⁷ Похвалу труду — без оговорок — напишет Солженицын лишь в романе «Август четырнадцатого».